

**ПРОСТОРЕЧИЕ: УДАРНОЕ ОКОНЧАНИЕ -А/-Я
ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ
СЛОВ ТРЕТЬЕГО СКЛОНЕНИЯ**

Таня Нейчева

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского

**VERNACULAR: STRESSED ENDING -A/'A
IN PLURAL OF THE THIRD DECLENSION**

Tanya Neycheva

Paisii Hilendarski University of Plovdiv

The process of replacing the plural ending *-ы/-и* (*-y/-i*) with *-á/-я́* (*-a/'a*) in the contemporary Russian standard language is observed in the forms of masculine nouns, which end in a consonant in the nominative singular case. Beyond the first declension, the spread of this phenomenon in literate speech is still unacceptable. In colloquial language, however, the range of words affected is much wider, regardless of grammatical gender and partly not depending on the type of declension. The article discusses examples of replacing *-ы/-и* with *-á/-я́* in the forms of words of the III declension; the purely vernacular (for now) nature of their use is emphasized; additional connotations and emotional and stylistic load of these forms are revealed; an attempt has been made to explain the inevitability of the appearance of certain forms.

Key words: plural nominative, stressed ending *-a/'á*: *nochá* ‘nights’, *pomoshchá* ‘help(s)’, *docher'á* ‘daughters’, *mebel'á* ‘furniture(s)’

Начнем с азбучной истины, что морфологический строй языка более устойчив, и в нем изменения происходят медленнее, чем, например, в лексике и фразеологии. Эта устойчивость дополнительно усиливается кодифицирующим, консервирующим, стандартизирующим характером литературной нормы. В отличие от новых слов (словообразовательных неологизмов, омонимических дериватов, заимствований, калек), которые довольно быстро находят свое место в словаре литературного языка, результаты живых процессов в развитии мор-

фологии обычно не допускаются литературной нормой до тех пор, пока не станут достаточно регулярными или окончательно не вытеснят в разговорном языке устаревшую норму.

Примером живого, незавершившегося процесса в области морфологии современного **общерусского** языка является довольно активно протекающая замена „исконного“¹ (точнее, более старого) окончания именительного и винительного падежей множественного числа *-ы/-и* имен существительных ударным окончанием *-á/-я́*, ср.: *городá* вм. *гóроды*, *лесá* вм. *лэсы*, *поездá* вм. *пóезды* и т. д., самые ранние сведения о котором относятся по меньшей мере к концу XV в.², а более широкое распространение такого типа форм отмечается примерно с середины XVII в. Начиналось это явление с существительных м. р., а в наши дни оно распространяется даже на третье склонение, которое и станет объектом нашего исследования.

В книге (и онлайн-ресурсе) „Курс русского языка“ Л. В. Балашовой и В. В. Дементьева уделено специальное внимание окончаниям именительного падежа мн. ч. существительных. Авторы отмечают, что процесс вытеснения *-ы/-и* окончанием *-á/-я́* в литературном языке идет „значительно медленнее, чем в просторечии“, и приводят довольно большой список факторов, допускающих использование нового окончания в **литературном** языке (и более конкретно, в мужском роде), как

---

¹ В действительности, „исконность“ любого формального показателя в морфологии можно определить весьма условно. К началу письменного периода славянских языков нормативным для слов м. р., изменяющихся по *ǫ*-склонению, было окончание *-и* (но не *-ы*) дифтонгического происхождения. В отношении же праславянского периода исследователи восстанавливают более старую флексию **-oi*, тоже не исконную, а перенесенную сюда из *jǫ*-основ (Дуриданов, ред. 1991: 91 – 92, 138, 142; Кузнецов 1953: 37; ср. Бирнбаум 1986: 274). С другой стороны, в винительном падеже мн. ч. того же склонения слова как мужского, так и среднего рода получали окончание *-ы* (но не *-и*), которое объясняют либо как развитие более древнего **-on-s*, либо, притом более обоснованно, – как перенос **-un-s* из *ǫ*-основ (Дуриданов, ред. 1991: 142; Кузнецов 1953: 37). Дальнейшее развитие данных флексий в древнерусский и старорусский период связано с выравниванием форм им. и вин. падежа мн. ч. в результате разнообразных фонетических и морфологических факторов, чтобы ко времени М. В. Ломоносова устоялось современное распределение окончаний в им. и вин. падежах мн. ч. как мужского, так и женского (но не среднего) рода: *-ы* после твердых согласных, *-и* после мягких, заднеязычных и шипящих (ср. Ломоносов 1755: 70 – 71).

² Ср.: „Се купили (...) пожни і **полѣшие лѣса**, (...) половина села того, і **полѣшие лѣсы**.“ (НКРЯ, Старорусский корпус: Купчая Михайловского Архангельского монастыря у Авдука и Фраля на половину села в Тойнокурье с угодыями. Вторая половина XV в.).

то: количество слогов; место и характер ударения – на основе или на окончании, подвижное или неподвижное; наличие определенного словообразовательного суффикса; функциональная характеристика – разговорное, профессиональное; семантика и т. п. (см. Балашова, Дементьев 2005: § 2.2.2.). Нельзя не заметить, насколько разнородны перечисленные факторы, а значит, все они являются прежде всего попыткой оговорить уже допущенные в литературную норму отдельные формы и объяснить недопущение других, аналогичных им форм. Более того, авторы регулярно пользуются уточнениями „большинство (...), но возможны и исключения“, „как правило“, „обычно“, „иногда“, „может иметь“, „хотя“ (там же), которые в некоторой степени обессиливают прескриптивный характер данных „правил“. В итоге выходит, что норма допускает те результаты процесса замены *-ы/-и* на *-á/-я́*, которые она просто не в состоянии не допустить, так как более старый вариант уже полностью вышел из употребления в разговорном языке, например, *лесá* вм. *лэсы*, или же не препятствует их употреблению, объявляя дублетами, если частотность нового варианта равна или превышает частотность старого, например, *кузовá* и *кузовы*. Таким образом, даже содержащие один и тот же словообразовательный суффикс слова, при этом с равным количеством слогов и с однотипной схемой ударения, оказываются в разной ситуации. В одном случае узаконена новая форма: *директорá*, в другом – обе формы признаны дублетами: *инспекторы* / *инспекторá*, в третьем – форма на *-á* остается за пределами литературной нормы: *проректорá* при нормативном *прорéкторы*. В результате литературная норма оказывается в неестественном состоянии, в котором ей приходится рассчитывать не на общее правило, а на списки допустимых и недопустимых слов, какой, например, мы находим в „Справочнике“ Д. Э. Розенталя (Розенталь 1999).

В разговорном же языке, и в особенности в просторечии, круг форм на *-á/-я́* значительно шире и в меньшей степени подвержен ограничениям. А. А. Зализняк четко сформулировал общую тенденцию: распространить „элемент *a*, выступающий в косвенных падежах и уже воспринимающийся как показатель мн. числа, на все словоформы мн. числа“ (Зализняк 1967: 2329 – 2330), то есть, унифицировать парадигму мн. числа так, чтобы все флексии содержали в себе элемент *a*, ср.: *городá* – *городáм* – *городáми* – *городáх*. Способствует осуществлению этого процесса только один фактор – место ударения, а именно: „окончания косвенных падежей мн. числа либо уже ударны (по литературной норме), либо стремятся стать такими (вопреки норме)“, и одновременно с тем „окончание *И*. мн. безударно (по литературной норме)“

(там же: 2330). Не имеют значения ни количество слогов, ни словообразовательные суффиксы, ни семантика, ни даже род или тип склонения существительного в ед. числе. Единственное формальное ограничение, если выполнено указанное выше условие по ударению³, следующее: „окончание И. ед. – не на *-á* (т. е. новый И. мн. на *á* не совпадает с И. ед.)“ (там же). Иными словами, образованию новых форм мн. числа препятствует только возможное возникновение омонимии падежных форм типа им. ед. *ноздря́* – им.-вин. мн. **ноздря́* (вм. *но́здри*).⁴

И действительно, за рамками литературной нормы употребляются с различной степенью регулярности формы на *-á/-я́* от многочисленных слов м. р., напр.: *многие инженерá* вм. *инженéры*; *красивые зубá* вм. *зубы*; *старые Опеля́* вм. *Опели*, *сильные снегопадá* вм. *снегопа́ды*. Что касается наиболее частотных из них типа *инженерá*, то их уже приходится специально оговаривать как неправильных – с точки зрения литературной нормы – в справочных пособиях и на образовательных сайтах (RusskiiYazyk.ru, pishempravilno.ru и др.). Другие формы, образованные аналогичным образом, пока „режут ухо“ владеющим литературной нормой, но уже порождают у них вопрос „как правильно“. Например, в Справочно-информационный портал Грамота.ру с вопросом „*крéмы* или *крема́*“ обращались более тридцати раз. Насчет правильности более редких, типа *зубá* и *снегопадá*, вопросов пока не поступало, но это не меняет факта, что указанные формы были уже кем-то использованы не только в устном общении, но и зафиксированы на письме, в Интернет-коммуникации.

³ В наиболее продуктивных типах склонения – с постоянным ударением на основе (1a, 2a) или на окончании (1b, 1b', 2b, 2b') условия по ударению **не выполнены**, так как в первом случае безударное *-ы/-и* поддерживается безударными же окончаниями косвенных падежей, а во втором ударное *-ы́/-и́* – в сильной позиции – если не делает невозможной замену на *-á/-я́*, то хотя бы сильно затрудняет ее (ср. Зализняк 1967: 2330). В результате *-ы/-и* остается самым распространенным окончанием им. падежа мн. числа в современном русском языке, хотя на просторах Интернета уже можно встретить единичные случаи замены даже в этих словоизменительных типах, ср.: *проливные дождя́*, *глубокие прудá*, *вкусные киселя́*. В разговорной речи возможна также замена безударного *-а/-я* на ударное в словах ср. р., даже при постоянном – в литературном языке – ударении на основе, напр.: *блюда́* вм. *блю́да*. Впрочем, здесь перемещение ударения на окончание: *многие блюда́*, даже устраняет омонимию с род. падежом ед. ч.: *нет блю́да*.

⁴ Наши наблюдения показывают, что даже возможная омонимия не является непреодолимым препятствием и уже существуют просторечные образования типа *широкие ноздря́*, *свои статья́* и т. п.

Кроме того, обнаруживаются многочисленные аналогичные примеры за рамками первого склонения, а точнее – в формах имен существительных ж. р., изменяющихся по третьему склонению, напр.: *темные ночá* вм. *но́чи*, *золотые медаля́* вм. *медáли*, которые ни под каким видом не допустимы в литературном языке, не рассматриваются в справочных пособиях (хотя про них все же время от времени поступают вопросы на справочных сайтах) и только иногда вскользь упоминаются в исследованиях, посвященных просторечию.

Представленное здесь исследование сосредоточивается именно на последней из перечисленных групп и ставит перед собой задачу рассмотреть извлеченные из Интернет-источников⁵ случаи просторечного употребления форм на *-á/-я́* от слов, изменяющихся по третьему склонению, а также некоторых словообразовательно связанных с ними слов рl. t. (тип 8a, 8b/b', 8e и 8f' по Зализняку), с целью выявить степень их лексического разнообразия, возможные формальные ограничения в образовании их на современном этапе во внелитературном просторечии⁶ и эмоционально-экспрессивную нагрузку – в литературном.

Итак, от каких слов третьего склонения уже существуют формы на *-á/-я́*, и их употребление, хотя бы в качестве единичного случая, зафиксировано на письме? Оказывается, в Интернете такие примеры встречаются от довольно широкого круга лексических единиц, характерных в основном для повседневной бытовой коммуникации (примеры обнаруживаются в отзывах о продуктах на сайте, в постах „о личном“ в социальных сетях и т. п.), а также для общения в узких сферах профессии, хобби и интересов (на сайтах малых бизнесов, форумах

---

⁵ Все рассматриваемые ниже примеры извлечены из Интернет-источников следующим образом: в поисковую строку браузера вводилась гипотетическая форма, по возможности в сочетании с согласованным прилагательным или местоимением во мн. числе, напр. „*свои моща́*“, „*золотые медаля́*“, чтобы отсеять формальные совпадения со словами из других языков, пользующихся кириллицей, напр. болг. *моща* ошибочно вм. *мощта* (‘эта мощь’), укр. *золота медаля* (ж. р. им. п. ед. ч. ‘золотая медаль’), белар. *залатога медаля* (м. р. род. п. мн. ч. ‘золотой медали’) и т. п. Ниже источники отдельных примеров не будут указываться, так как любой из них может быть легко обнаружен в сети простым поиском.

⁶ Исследователи пользуются терминами „внелитературное просторечие“ („первое просторечие“, „просторечие как социально-языковое образование“) и „литературное просторечие“ („второе просторечие“, „просторечие как стилистическая категория“). В первом случае имеется ввиду речь людей, в недостаточной степени овладевших нормой литературного языка и не осознающих неправильность употребляемых форм, во втором – речь людей, владеющих литературной нормой и пользующихся просторечными словами в целях экспрессии (см. Сидорова 1990: 100 – 104; Кудринова 2009: 135 – 137; Адамия 2014: 250 – 252).

автолюбителей, рыбаков и т. п.). И наоборот, практически нет такого типа образований от сугубо „книжных“ слов, напр. *скрижаля́ вм. скрижали, *треля́ вм. трели.

Что касается формальных ограничений, место ударения в косвенных падежах мн. числа – на основе или на окончании – по всей видимости, не играет решающей роли. В следующих примерах ударение во мн. числе падает на основу в им. падеже и на окончание в косвенных падежах (тип 8е), как и было сформулировано А. А. Зализняком – см. выше (примеры здесь и ниже приводятся в минимальном контексте, орфография и пунктуация источника полностью сохранена):

- вещь:** Просто тут **мои вещь**, а то без них я как без рук...
- ночь:** полнолуние **темные ноща**, кресты и надгробные плиты
- речь:** **Твои реча** сладки, как мой соус для спагетти!
- лошадь:** бодро скачут **лошадя**
- мать:** „Не пейте много пацаны вас **ждут** дома **матеря**“
- дочь:** **дочеря видят** в своих отцах будущих мужей.
- плоскость:** правильно поставит саму прокладку, так как она имеет **разные плоскостя**.
- грудь:** Ты, Параш, **свои грудя**
Прячь из дому выходя.
- очередь:** **Очередя** в торговые центры Стамбула по выходным.
- тени:** лишь тронула губы помадой, наложила **тень** под глазами
- власти:** как красnodарцы любят ругать **городские властя**.

К этой группе можно прибавить слова, в которых наблюдается колебание в ударении (тип 8е//8а или 8а//8е):

- челюсть:** её сопартийцы в это время искали **свои челюстя** в кустах
- отрасль:** в РФ **стратегические отрасля** не принадлежат РФ
- мощи:** У них есть божества – Сталин, Ленин, **свои моща**, идолы
- прорубь:** Лезут в **прорубя** по бухлу даже.

С той же степенью регулярности, однако, встречаются и примеры употребления -á/-я́ в словах, в которых ударение – в литературном языке – как в именительном, так и во всех косвенных падежах мн. ч. падает на основу (тип 8а):

- помощь:** Дело было лет 20 назад, когда „**скорые помоща**“ еще не обзавелись фирменными комбинезонами и куртками
- мощь:** Mazda 3 MPS, 2006: Едет на все **свои моща**.
- педаль:** крутить **педалЯ** легче
- модель:** У каждого производителя есть **свои моделья** с „Прелестями“.

- прелести:** Ну-ну... **Все прелестя** – for sale.
- свекровь:** локальная Немезида и мини-египетская казнь мамашек – это их родителя и свекровя
- прядь:** если брать очень **тонкие прядя**, то жгутики становятся малозаметными на голове
- глупость:** Брось ты **эти глупостя** –.
Это все не для тебя.
- жизнь:** Ничего за свои **жизнЯ** не увидев и не сотворив, продолжают ерепениться и гоношиться.
- даль:** долго наблюдал, потом доставал бинокль и смотрел **в даля**
- медаль:** У них даже последний муфлон **золотые медалЯ** получает, шоб, если начнет отбиваться от стада, звякало. ;))
- связи:** Личная анкета **Мои Связя** ВКонтакте
- способности:** в настольных играх **мои способностя** скорее всего не пригодятся
- мысль:** Измените **свои мысля** прямо сейчас, и вы измените всю свою жизнь.

Более того, окончание *-á/-я́* может образовать им.-вин. падеж мн. ч. даже от некоторых слов (8а), у которых в литературном языке вообще нет мн. числа:

- мебель**⁷: А сегодня закупулся в Леруа заготовками под **разные мебеля**
- помощь:** порой и подумать не успевал, как уже надо **скорые помоща** вызывать любителям склонений.
- жилплощадь:** У меня теперь **новые жилплощадя** на Варшавской.

И только в отдельных случаях появление новой формы можно объяснить колебанием в грамматическом роде ж. р. / м. р.:

- пóдрезь**⁸: два запасных стекла, второй газ, **новые подрезя** + накладки
- водоросль**⁹: он исследовал **сине-зеленые водоросля**

---

⁷ А. А. Зализняк приписывает этому слову полную парадигму (Зализняк 1980), что соответствует норме современного общерусского языка. В ориентированных на строгую литературную норму словарях оно отмечается как sg. t. (Ушаков 2014; Горбачевич 2000). То же самое касается приведенных ниже *помощь*, *жилплощадь*.

⁸ Ср.: *пóдрезь* ж. (8а) // *пóдрез* м. (1с) (Зализняк 1980).

⁹ У А. А. Зализняка без вариантов: *вóдоросль* ж. (8а), однако в разговорном употреблении встречается и согласование в м. р.: „*Красный водоросль* – это многолетнее травянистое растение“.

*мышь*¹⁰: на серых мышках такие же **серые мыша** и женятся.

Итак, место ударения в косвенных падежах мн. числа не является решающим ни для типа 8e, ни для типа 8a, у которых, однако, выполнено другое условие из формулировки А. А. Зализняка – ударение в им. падеже мн. числа падает на основу.

По типу 8b/b' – с ударением на окончании во всех падежах мн. числа, включая именительный – изменяется только несколько слов: *путь, любовь, ложь, рожь, вошь*. Приведенные ниже примеры свидетельствуют, что даже ограничение в виде ударного окончания -*и́* не является непреодолимым препятствием для образования новых форм:

путь: Даём тебе неделю, не управишься мы найдём **свои путя**.
есть **разные путя** минимизировать расходы на алкоголь

вошь: Вот что надо знать про **эти виша**.

*любовь*¹¹: Пан Спортсмен и его **любовя**...

Следовательно, появлению форм типа *твои *лжá, спелые *ржá* мешает даже не ударение, а другие обстоятельства. Во-первых, от *ложь, рожь* (впрочем, как и от *любовь*) образование мн. числа в литературном языке или крайне затруднительно – только в некоторых переносных значениях – или вообще невозможно (см. Ушаков 2014). Во-вторых, возникла бы омонимия с устар. и простор. *ржа* ‘ржавчина’ (МАС 1999) и устар. и простор. *лжа* ‘ложь’ (Викисловарь 2004 – 2023).

По типу 8f', помимо массы собственных имен (в основном топонимов), для которых мн. число не характерно, изменяются всего четыре существительных нарицательных – *грудь, степь, ось, глушь* – у которых им.-вин. падеж мн. числа выступает с ударением на основе, а остальные падежи – с ударением на окончании (отличается от типа 8e по ударению в некоторых падежах ед. ч., которые нашего исследования не касаются):

грудь: Ввиду увеличения призового фонда, конкурсу „Мисс бюст“ дали другое название – „**Мои грудя** – мое богатство“.

степь: Здравствуйте! собаку напугали и он убежал **в степя!**
ищем каждый день, буду благодарна любой информации!

¹⁰ Обычно при упоминании особи мужского пола – *мыш(ь)*: „Похоже, от девочки ни *один мыш* не ускользнёт“; „И ещё *один мыш* спящий на сыре“.

¹¹ В рассматриваемом примере форма *любовя* подкреплена только семантикой. Случаев, подкреплённых согласованием, не удалось обнаружить, за исключением следующего: „еслиб ты понила и дала мне один шанс не желея за **свои любовья** я бы бился за любовь и за тебя“. Ввиду вопиющей безграмотности всего отрывка не представляется возможным истолковать однозначно форму *любовья* как образованную по модели *площадь, деталь* или же по модели собирательных *сыновья, братья*.

ось: *ВРW специально изменила свои ося под специфику дорог стран СНГ.*

В итоге оказывается, что формальных ограничений при образовании форм на *-á/-я́*, связанных с местом или характером ударения, в разговорном языке – и в особенности в просторечии – практически нет. Следует все-таки отметить, что формы на *-á/-я́* от слов III склонения **на письме** в целом употребляются редко. Иногда мы имеем дело вообще с единичным случаем (*связя́, способностя́, деталя́* и др.), иногда же – с более частотным употреблением (*мысля́, новостя́, медаля́, бровя́, кровя́* и др.), но даже приведенный выше неполный перечень примеров дает довольно ясное представление о том, что **во внелитературном просторечии** процесс уже зашел довольно далеко и затрагивает широкий круг лексем, изменяющихся по III склонению во всех его подтипах.

Но может быть, процесс этот обречен на затухание, так как всеобщее школьное образование призвано развивать культуру речи, бороться со внелитературным просторечием и обучать нормам литературного языка? В 1979 г. Ф. П. Филин писал: „В наше время социальная база этого просторечия чрезвычайно сузилась: в городах уже нет общественных прослоек, которые являлись последовательными и стойкими носителями нелитературного просторечия“ (Филин 1979: 239), и это наблюдение не лишено оснований. В более современных исследованиях, однако, бытует противоположное мнение: социальная база современного просторечия расширяется и в то же время расшатывается, причем носители просторечия и литературного языка уже отличаются „не по формальным социальным признакам (...), а уровнем речевой культуры“ (Ерофеева 2003, цит. по: Кудринова 2009: 137). При этом границы просторечия „необыкновенно расширились в последние десятилетия“ (Кудринова 2009: 137), причиной чему стала, скорее всего, „повсеместная тенденция к демократизации языка“, способствующая „энтропии литературной нормы“ (Шайбакова 2015: 142).

В эксцерпированном нами материале „внелитературное“ употребление просторечных форм на *-á/-я́*, т. е. употребление „нейтральное“, без дополнительной стилистической нагрузки, представлено довольно часто. Оно характеризуется в основном отсутствием какого-либо графического выделения в тексте, часто сопровождается другими просторечными формами, а сам текст в большинстве случаев не оформлен в соответствии с требованиями орфографии и пунктуации, ср.:

мощь: *деточка, ты сам то кто будешь? мне в целом твои моща и кто ты сам совершенно фиолетово.*

- мысль:** *Измените **свои мысля** прямо сейчас, и вы измените всю свою жизнь.*
- цель:** *У каждого **свои целя** занятия йогой.*
- дочь:** *Ох Девочки, Мама, Сестры, **Дочеря** !!!
Я поздравлю. Вас с женским днём 8 Марта !!!!*
- часть:** *похожие на разбойников (не предъевляя документов)
начали хватать за **разные частя** тела*
- площадь:** ***Многие площадья** в торговом центре пустуют*
- личность:** *так давайте просто флудить без намёков на **личностя**.*
- деталь:** ***Новые деталя** Xbox 360-эксклюзива Class 3*
- бровь:** ***Мои бровя** стоят 500 руб.*
- смесь:** *Я прекратила кормить грудью и присели на **дорогие смеша***
- очередь:** ***Очередя** на автомобили? Пустые салоны? Неет.*

В отдельную группу следовало бы выделить просторечные формы, встречающиеся в художественных текстах. Иногда они выполняют привычную уже „литературную“ функцию – дать речевую характеристику героя:

- глупость:** *Но ты на **эти глупостя** не клади вниманию. Только вот мало тижоловато пришлось, когда Синичка кувыркнулась через голову.*
- вещь:** *В плетеной корзине валяются **мои веща**, а среди них – мой Пистолет Макарова.*
- кровь:** *Молодца, внучатка! – захохотав, сказал он. – Сразу видать, что **наши кровя**...*

Нередко, однако, авторы произведений (не обязательно престижных) пользуются некоторой формой на -á/-я как вполне нейтральным дублетом, без дополнительной коннотации, без выделения, а в чисто формальных целях – чтобы сохранить ритм или рифму в стихах, ср.:

- дверь:** *Но так случилось и та любовь ушла
Закрыв все **свои дверя** для меня*
- скорбь:** *Великий Бог, Он видит сердце,
Он видит, **все твои скорбя**
и то страдающее тельце
которому открыл Себя.*
- грудь:** *на пестик аленький на малую тычинку
и тычет в комнате в **свои грудя**
а после ищет малую картинку
и плачет в комнате картинку не найдя*
- путь:** *Ты дитя и я дитя.*

Только ты умнее.
У нас **разные путя.**
Что мне до злодея!
сеть: Так что Солнце-сам(о!) заревет...
Дитя*! –
нам накинув на плечи
свои сетя...
Впрочем, *сети* просто – *сети*...

В последнем примере наглядно показано, что для автора *сети* и *се*тя – стилистически нейтральные варианты.

С другой стороны, „интеллигентское“ – в стилистических целях – употребление тех же и аналогичных им форм обычно выделено графически: прописной буквой отмечается просторечное окончание, а сам текст чаще (хотя и не всегда) оформлен в соответствии с орфографическими правилами:

подпись: Где тут **подпис**Я собирают?
убыль: У государства **убыл**Я,
прибыль: у Ковальчука с Абрамовичем **прибыл**Я.
личность: Как же не хотелось переходить на **личност**Я.
степень: даже лучшие некоторых немецких врачей,
имеющих **научные степен**Я
даль: Как ты занесло то в такие **дал**Я?
проповедь: Ссылки на **проповед**Я и переполненные ими сайты удаляются вместе с авторами.
новость: **Новост**Я без **гост**Я. Аренда студии для записи.
Новостя.¹² Новости шоу бизнеса и не только.
медаль: **Золотые медал**я.¹³ Россия завоевала 292 медали на Универсиаде в Казани | пародия «Золотые Купола»

„Интеллигентское“ просторечие в художественных произведениях служит тем же целям (выразить экспрессию, иронизировать и т. п.), что и в разговорной речи образованных носителей языка.

сеть: Зачем АйПи, презрел запреты,
На все устройства прикрутя,

---

¹² Отсутствие графического выделения компенсируется использованием в непосредственной близости литературной формы *новости*.

¹³ Просторечная форма не выделена графически, но аналогия с песней „Золотые купола“ эксплицитно указана в самом заголовке.

*Как злой паук в свои сетя
В них муху тащит для обеда?*
путь: *Махнув всем на прощание рукой костлявой.
И лихо черепом блестя.
Пошел походкой не модельной, а корявой.
Скелет в столь долгие, далекие путья*
педаля: *Буба крутит педаля,
не устал, не потен даже,
продвигаются всё дальше,
жаль, не плоская земля...*

В наше время письменная коммуникация массовизирована до крайних пределов. В социальных сетях, блогах, форумах, на сайтах и т. д. пишут практически все, независимо от своего социального статуса и уровня владения литературной нормой. В едином информационном поле, притом в непосредственной близости, сосуществуют тексты, созданные при строгом соблюдении норм русского литературного языка, и тексты, в которых та же норма представлена почти только тем, что сообщение написано кириллицей (например, статья на новостном сайте и комментарий читателя внизу страницы). В предыдущие эпохи носитель „нелитературного“ языка (просторечия) обычно не владел литературной нормой – не только из-за недостаточного образования, но и из-за отсутствия языкового контакта с носителями литературного языка. Носитель литературного языка, со своей стороны, мог не владеть просторечием, особенно если жил и воспитывался в интеллигентской среде. В наши дни прежние социальные границы стираются или хотя бы частично размываются, и сейчас все в какой-то мере владеют как литературной нормой, благодаря школьному образованию, так и городским просторечием, благодаря демократизации языка и неограниченному, тесному и постоянному контакту литературных и просторечных языковых средств на просторах всемирной сети.

„Интеллигентское“ просторечие в этом смысле можно определить как тенденцию не ограничиваться средствами литературного языка, но пользоваться всем выразительным богатством общерусского языка. Может быть, именно оно станет когда-нибудь „входом“ для просторечных форм типа *скорые помоща* в литературную норму, хотя она, скорее всего, ещё долго будет сопротивляться языковому дрейфу¹⁴.

---

¹⁴ Термин „дрейф языка“ (language drift) введен Э. Сепиром. Согласно теории ученого развитие языка не хаотично, а следует в определенном направлении, которое „может быть в общих чертах выведено из прошлой истории языка“ (Сепир 1993:

ЛИТЕРАТУРА

- Адамия 2014:** Адамия, З. К. Просторечие как компонент в лексике кодифицированного языка и его отражение в толковых словарях. [Adamiya, Z. K. Prostorechie kak komponent v leksike kodifitsirovannogo yazyka i ego otrazhenie v tolkovykh slovaryah.] // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3 (45), с. 250 – 252.
- Балашова, Дементьев:** Балашова, Л. В., Дементьев, В. В. *Курс русского языка*. [Balashova, L. V., Dement'ev, V. V. Kurs russkogo yazyka.]. Саратов: Лицей, 2005. <https://licey.net/free/4-russkii_yazyk/> (20.10.2023).
- Бирнбаум 1986:** Бирнбаум, Х. *Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции*. [Birnbaur, H. Praslavjanskij yazyk: Dostizheniya i problemy v ego rekonstruktsii.] Москва: Прогресс, 1986.
- Викисловарь 2004 – 2023:** Викисловарь <<https://ru.wiktionary.org/>> (16.12.2023).
- Горбачевич 2000:** Горбачевич, К. С. *Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке*. [Gorbachevich, K. S. Slovar' trudnostej proiznosheniya i udareniya v sovremennom russkom yazyke.] Санкт-Петербург: Норинт, 2000. <https://diffc_ru.academic.ru/> (14.12.2023).
- Дуриданов, ред. 1991:** *Грамматика на старобългарския език*. [Gramatika na starobalgarskiya ezik.] Под. ред. на проф. Иван Дуриданов. София: Издателство на БАН, 1991.
- Зализняк 1967:** Зализняк, А. А. О показателях множественного числа в русском склонении. [Zaliznyak, A. A. O pokazatelyah mnozhestvennogo chisla v russkom sklonenii.] // *To honor Roman Jakobson*. Volume III. The Hague – Paris: Mouton, 1967, p. 2328 – 2332.
- Зализняк 1980:** Зализняк, А. А. *Грамматический словарь русского языка*. [Zaliznyak, A. A. Grammaticheskij slovar' russkogo yazyka.] Москва: Русский язык, 1980. <<https://gramdict.ru/>> (15.12.2023).
- Кудинова 2009:** Кудинова, Т. А. Просторечие как лингвистический феномен: динамика понятия. [Kudinova, T. A. Prostorechie kak lingvisticheskij fenomen: dinamika ponyatiya.] // *Научная мысль Кавказа*. 2009. № 4 (60), с. 135 – 138.

---

144). Более того, „изменения, которые должны произойти в языке в ближайшие столетия, в некотором смысле уже предвосхищаются в иных неясных тенденциях настоящего и при окончательном осуществлении их они окажутся лишь продолжением тех изменений, которые уже совершились ранее“ (там же).

- Кузнецов 1953:** Кузнецов, П. С. *Историческая грамматика русского языка. Морфология.* [Kuznetsov, P. S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya.] Москва: Издательство МГУ, 1953.
- МАС 1999:** *Словарь русского языка: В 4-х томах.* [Slovar' russkogo yazyka: V 4-h tomah.] РАН, Институт лингвистических исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. <<https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>> (14.12.2023).
- НКРЯ:** *Национальный корпус русского языка.* [Natsional'nyj korpus russkogo yazyka.] 2003 – 2023. <ruscorpora.ru> (25.10.2023).
- Розенталь 1999:** Розенталь, Д. Э. *Справочник по правописанию, произношению и литературному редактированию.* [Rozenal', D. E. Spravochnik po pravopisaniju, proiznosheniju i literaturnomu redaktirovaniyu.] Москва: ЧеРо, 1999. <<https://orfogrammka.ru/OGLO2/70091238.html>> (17.12.2023).
- Сепир 1993:** Сепир, Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии.* [Sapir, E. Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii.] Москва: Прогресс, 1993.
- Сидорова 1990:** Сидорова, Т. Просторечие как социально-языковая и стилистическая категория. [Sidorova, T. Prostorechie kak sotsial'no-yazykovaya i stilisticheskaya kategoriya.] // *Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures*, no 38, p. 93 – 106.
- Ушаков 2014:** Ушаков, Д. Н. *Толковый словарь современного русского языка.* [Ushakov, D. N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka.] Москва: Аделант, 2014. <<https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>> (14.12.2023).
- Филин 1979:** Филин, Ф. П. *Русский язык. Энциклопедия.* [Filin, F. P. Russkij yazyk. Entsiklopediya.] Москва: Советская энциклопедия, 1979.
- Шайбакова 2015:** Шайбакова, Д. *Билингвальное просторечие.* [Shaybakova, D. Bilingval'noe prostorechie.] // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica*, 2015, № 11, с. 141 – 148.